

КЧ 2
Ж 25

7/1.

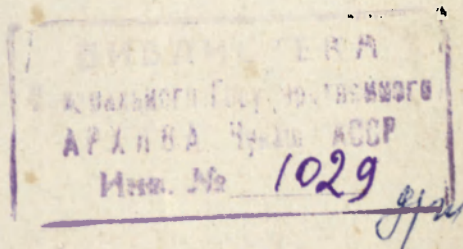
ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ XVII.

ВЫПУСКИ 1—6.

1901.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

1901.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XVII, вып. 2—3.

СОДЕРЖАНІЕ.

Заселение Устинской волости Костромской губернии. Чл.-согр. П. А. Кителина . . . . . 87—119.
Списокъ селеній «мишарей» въ Буинскомъ уѣздѣ Симбирской губернии. Д. чл. (†) В. К. Магницкаго . . . . . 120—132.

Матеріалы.

А) Археологическіе. Кегеньскіи Араханъ. Д. чл. Н. Н. Пантусова . . . . . 133—135.
Клады изъ мелкой серебряной монеты въ Вятской губернии. Д. чл. (†) В. К. Магницкаго . . . . . 135—141.
Б) Историческіе. Стихотвореніе Н. С. Арцыбашева. Н. П. . . . . 141—143.
Замѣтка объ архивахъ г. Казани. Д. чл. В. Л. Борисова . . . . . 143—146.
Къ исторіи театра въ Казани. Н. П. . . . . 146—147.
В) Этнографическіе. О шаманствѣ въ Минусинскомъ краѣ. О. В. Суховскаго . . . . . 147—155.

Хроника.

О коллекціяхъ проф. Н. А. Толмачева. Дѣйств. чл. А. А. Штукенберга и А. А. Сухарева 155—156.

Библиографія.

Отзывъ о книгѣ Н. М. Чернавскаго: «Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ. Выпускъ первый». А. И. Добросмыслова 157—161.
Къ каталогу списковъ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ». С. П. 161—163.

Приложенія.

Отчетъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1900 г., д. чл. Н. К. Горгалова . . . . . 1—18.
Списокъ членовъ Общества 19—25.
Списокъ должностныхъ лицъ Общества 26
Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Д. чл. А. Е. Алекторова . . . . . 161—256.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

1901.

Вышелъ 20 мая.

буграхъ, похоронены павше въ дракъ люди или хранятся въ нихъ сказанныя выше богатства и сокровища, а больше бугры устроены какъ бы для сторожевой цѣли или увеселенія начальства упомянутого выше народа «Мыхъ».

Н. Паитусовъ.

Клады изъ мелкой серебряной монеты
въ Вятской губернии.

Въ апрѣлѣ 1892 г. мною, вмѣстѣ съ бывшимъ учителемъ Елабужскаго 3-хъ класснаго училища Е. С. Лебедскимъ, совершена была поѣздка въ село Старые Саралы (въ 8-ми верстахъ отъ Елабуги, на СВ., по Сарапульскому тракту; находится въ Елабужскомъ уѣздѣ), гдѣ незадолго до того былъ найденъ кладъ изъ мелкой серебряной монеты. При любезномъ содѣйствіи мѣстнаго приходскаго священника П. В. Чистосердова намъ удалось получить о кладѣ слѣдующія свѣдѣнія.

Кладъ былъ найденъ въ пахотномъ полѣ, на полосѣ мѣстнаго крестьянина Григорія Галактионова Роднина, въ верстѣ отъ села на ЮВ и въ такомъ же разстояніи отъ лѣваго берега рч. Каринки, раздѣляющей село на двѣ половины. Урочище, на которомъ кладъ былъ найденъ, носитъ названіе «Селищи»; на немъ, по преданію, нѣкогда жили «татары». Признаковъ ихъ жилья однакожь на урочищѣ никакихъ не сохранилось, кромѣ ямъ, изъ которыхъ добывалась руда для бывшаго въ селѣ до начала XIX столѣтія «Каринскаго» мѣдноплавильнаго завода Красильниковыхъ ¹⁾. Распашка урочища «Селищи» началась лишь 10—12 лѣтъ тому назадъ (считая до 1892 года), а до этого времени на урочищѣ росъ орѣшникъ. Владѣльцемъ пахотной полосы на урочищѣ «Селищи»—Роднинымъ—десятка два маленькихъ серебряныхъ «кружечковъ», въ видѣ «рыбьей чешуи на судахъ», найдены были еще лѣтомъ 1891 года, во время жнитва ярового, о чемъ онъ тогда никому не сказалъ. Весной 1892 года, когда сошелъ снѣгъ, Роднинъ порѣшилъ вновь попытать счастья; 13 апрѣля ему посчастливилось найти на своей полосѣ и еще нѣсколько извѣстныхъ ему «кружечковъ». Объ этомъ онъ уже не утаилъ отъ своихъ сельчанъ и они чуть не всѣмъ селомъ отправились вслѣдъ за

¹⁾ Основателемъ «Каринскаго» завода былъ выходецъ изъ Слободы Ружейной, Тульской губернии, Тихонъ Лукьяновичъ Красильниковъ, родившійся 1713 года и умерши юня 3 дня 1753 года, въ деревнѣ Вишняковкѣ (Мензелинскаго уѣзда), на берегу р. Камы, какъ это видно изъ бывшей у насъ въ рукахъ рукописной «Записной книги родства Семена Тихонова Красильникова». Составленное нами на основаніи этой книги «Родословіе» Красильниковыхъ представлено нами въ Вятскіи губернскіи статистическіи комитетъ.

нимъ на новые поиски. Нѣкоторымъ изъ сельчанъ и дѣйствительно посчастливилось; такъ, между прочимъ, крестьянинъ Василии Ларинъ нашель на полость Роднина 113 «кружечковъ». При содѣйствіи о. П. В. Чистосердова намъ удалось приобрести изъ найденнаго на полость Роднина клада четыре «кружечка» овальной формъ, съ неровнымъ обрѣзомъ краевъ, величиной менѣе серебрянаго пяточка. На одномъ экземпляръ явственно видѣлась на одной сторонѣ слѣдующая надпись:

ИЗІ

СЛНКИ

АНЪ

СЕМР

УСН ¹⁾, т. е., «(к)из(ъ) (в)елики (ив)анъ

(в)сея руси».

На разспросы наши продавецъ разсказалъ намъ слѣдующее: 1) кладоискателями на полость Роднина послѣ него было взрыто пространство земли около сажени; 2) взрытые комки земли сдавливались рукой и земля просѣвалась сквозь пальцы; 3) копали въ глубину не болѣе четверти аршина; 4) какихъ либо постороннихъ предметовъ, кромѣ «кружечковъ», въ комкахъ земли не попадалось; 5) часть клада находчиками продана какому то серебряку въ Елабугѣ, по 10 к. сер. за золотникъ, гдѣ де «кружечки» разсматривали и на нѣкоторыхъ изъ нихъ прочитали имя: «Іоаннъ Грозный» (!).

Черезъ два дня послѣ нашего посѣщенія села «Старые Саралы» ²⁾ учительница мѣстнаго училища Ю. Г. Поликина доставила намъ и еще четыре «кружечка» ³⁾, причемъ сообщила, что на урочищѣ «Селищи» нѣкогда былъ садъ Красильниковыхъ.

17-го мая того же 1892 года въ селѣ Пьяный Боръ, Елабужскаго уѣзда, намъ довелось бесѣдовать о Саралинскомъ кладѣ съ мѣстнымъ священникомъ В. В. Чистосердовымъ (отецъ Саралинскаго батюшки), и онъ сообщилъ намъ, что въ бытность его священникомъ въ Глазовскомъ уѣздѣ кладъ изъ монетъ въ видѣ рыбьей чешуи былъ найденъ тамъ въ 1865-мъ или 1866-мъ году, близъ деревни Ваулиной, на лѣвомъ берегу р. Камы, послѣ спада вѣшняго разлива. Въ 1872-мъ или 1873-мъ году, уже послѣ перехода разскащика въ Елабужскій уѣздъ, близъ той же деревни Ваулиной былъ найденъ и еще такой же (въ видѣ рыбьей чешуи) кладъ. Объ этомъ послѣднемъ кладѣ, по словамъ о. Чистосердова, было напечатано въ «Вят-

¹⁾ Нашъ неумѣлый снимокъ надписи вышелъ значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ подлинная надпись.

²⁾ Старыми называется въ отличіе отъ сосѣдняго села Новые Саралы, именуемаго по церкви «Козьмодемьянское».

³⁾ Все приобретенное изъ Саралинскаго клада нами въ свое время было отправлено въ Казань, въ Общ. Арх., Ист. и Этн

сихъ губернскихъ вѣдомостяхъ»; но мы въ «Систематическомъ указателѣ статей губернскихъ вѣдомостей», составленномъ А. А. Спицынымъ, указаніи на кладъ въ Глазовскомъ уѣздѣ не нашли.

Въ началѣ 70-хъ годовъ истекшаго столѣтія кладъ изъ мелкой серебряной монеты былъ найденъ въ Вятской губерніи въ Уржумскомъ уѣздѣ, въ предѣлахъ русско-черемисскаго прихода села Русскіи Шой, на границѣ Казанскаго уѣзда, Казанской губерніи. Объ этомъ кладѣ у насъ сохранилась слѣдующая записъ, сдѣланная нами въ бытность нашу на службѣ въ Уржумскомъ уѣздѣ въ концѣ 70-хъ годовъ. По разсказамъ въ русской деревнѣ Черный Ключъ, кладъ былъ найденъ весной (неизвѣстно, котораго года), во время пашни; по словамъ же проживавшаго въ селѣ Русскіи Шой русскаго выходца села Кичмы, отставнаго гвардейца В. П. Свинына—во время жнитва, подлѣ межи, въ 1½ верстахъ отъ названнаго села, на ЮЗ. Изъ этого клада Свинынымъ были приобрѣтены за пятакъ пять серебряныхъ «кружечковъ» (алтыны?), изъ коихъ два имъ уступлены были намъ (и отправлены нами въ 1879-мъ году въ Казань, въ Общество Арх., Ист. и Этн.). Находчиками клада были два брата, русскіе крестьяне села Русскіи Шой. Разныхъ серебряныхъ предметовъ въ кладѣ ими было найдено вѣсомъ до 50 фунтовъ; въ числѣ кружечковъ, по словамъ Свинына, были и трехъ-угольные, величиной гораздо крупнѣе приобрѣтенныхъ имъ. Первой увидала «находку»—разсказывалъ намъ Свинынъ—женщина; но она, испугавшись, сама не тронула ея, а сказала мужу. Этотъ послѣдній, увидавъ, что «счастье само дается имъ въ руки», велѣлъ женѣ подставить подошъ и всю «находку» собралъ въ него, а послѣ, чтобы что-либо не осталось невзятымъ, землю, гдѣ оказалась находка, вскопалъ и просѣялъ рѣшетомъ. Вскорѣ однакожь братья, находчики клада, по разсказу Свинына, одинъ за другимъ умерли: ихъ де задушила «нечистая сила», владѣвшая кладомъ. Въ виду этого—совнавалъ намъ Свинынъ—онъ и самъ цѣлый годъ трепеталъ за свою жизнь изъ-за покупки у братьевъ части найденнаго ими клада. На мѣсто находки—разсказывалъ намъ далѣе Свинынъ—онъ, по приглашенію какихъ-то двоихъ крестьянъ, и самъ ходилъ разъ ночью «попытать счастья», но участія де въ раскопкѣ земли не принималъ, а сидѣлъ поодаль, на обгывившей «колодѣ» (по разсказамъ же другихъ—онъ отъ товарищей своихъ ночью сбѣжалъ отъ страха). Выкопанная де его товарищами яма во время его разсказа оставалась незаровнянной. Въ данномъ мѣстѣ, по указанію Свинына, проходитъ изъ Кавани «большая алацкая дорога»¹⁾.

Наличность клада при селѣ Старые Саралы одни изъ разсказчиковъ въ этомъ селѣ приписывали невѣдомымъ *разбойникамъ*, другіе же—*мышамъ*,

¹⁾ Объ «алацкой» дорогѣ, между прочимъ, см. «Матеріалы для исторіи колонизаціи Кузнецовскаго прихода, Уржумскаго уѣзда». Петра Мышкина. «Вятск. губ. вѣд.» 1881 г. №№ 44 и 47.

которыя де любятъ свѣтленькіе предметы и затаскиваютъ ихъ себѣ въ норы. Относительно клада въ Уржумскомъ уѣздѣ мы въ свое время держались предположенія, что онъ составился изъ похищенныхъ украшеній женскихъ нарядовъ *черемисокъ*. Указаніе на урочище съ названіемъ «*киреть*» (одинъ изъ овраговъ, выходящихъ на правый берегъ рѣчки Каринки) при селѣ Старые Саралы навело насъ на мысль предложить для объясненія происхожденія кладовъ изъ мелкой серебряной монеты нижеслѣдующіе факты изъ религиозныхъ вѣрованій и обрядовъ казанско-вятскихъ инородцевъ: чувашъ, черемисъ, вотяковъ и ихъ омагометанившихся братьевъ, именуемыхъ самихъ себя самодѣльнымъ русскимъ именемъ «*татары*».

Словомъ «*киреть*» у названныхъ инородцевъ по нашимъ изслѣдованіямъ называется не какой то неопредѣленный «злой духъ», какъ утверждаютъ всѣ этнографы, а *культъ предковъ*, а также тѣ урочища, на которыхъ въ честь предковъ совершаются жертвоприношенія, для устраненія ихъ гнѣва и мести за непочтене къ нимъ; отсюда и явился у этнографовъ, по недоразумѣнію, киреть—злой *духъ*, который въ дѣйствительности въ разныхъ мѣстахъ носитъ разныя мужскія и женскія языческія и даже христіанскія личныя имена инородцевъ. Предметами жертвенныхъ приношеній въ честь предковъ (киреть) у чувашъ, напр., служатъ, между прочимъ, *государственная монета*, главнымъ образомъ мелкая серебряная, которая для данной цѣли должна быть неповрежденная, т. е., нестертая, непродырявленная (для нашивки на инородческіе женскіе наряды) и необрѣзанная. Предназначенная въ жертву предкамъ монета на урочищахъ—киреть—оставляется у корней какаго либо завѣтнаго дуплистаго дерева, большею частію поверхъ земли, завернутой въ холщевыя тряпки или оберточную бумагу, иногда же вкладывается въ щели и дупла деревьевъ, въ предупрежденіе похищенія небоящимися. Сознаніе убыточности жертвоприношенія предкамъ, какъ домашнимъ скотомъ, такъ и деньгами, у чувашъ, напр., вызвало то, что они подлинную монету давно уже замѣняютъ продаваемыми на базарахъ специально для нихъ разной величины жестянками, вырѣзанными изъ листовъ бѣлой и желтой жести, и долженствующими въ глазахъ предковъ соотвѣтствовать серебру и золоту, а также отлитыми изъ олова; изъ нихъ первыя извѣстны у чувашъ подъ именемъ «*нохратъ*», а вторыя—«*тухланъ*»¹⁾. Принося въ жертву предкамъ такую обманную монету (какъ и пряники, подъ названіемъ «*оргамахъ*», изображающіе домашнихъ животныхъ и птицъ и т. д.), чувашіе однакожъ увѣряютъ своихъ предковъ (киреть), во время тайныхъ молений имъ на урочищахъ, что они оставляютъ имъ на удовлетвореніе ихъ прижизненныхъ потребностей въ загробной жизни «*кѣве кюмюль нохратъ*», т. е., старую серебряную монету²⁾. Пишущій эти строки, въ бытность въ

¹⁾ По нѣскольку экземпляровъ разныхъ видовъ «нохратокъ» и «тухланокъ» впоследствии нами доставлено было въ Общество Археологии, Исторіи и Этнографіи.

²⁾ Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. В. Магницкаго. Казань. 1881 г., стр. 71.

началъ 50-хъ годовъ ученикомъ Чебоксарскаго духовнаго училища, пасхальныя вакаціи въ чувашскомъ селѣ Шуматовѣ въ томъ только и проводилъ, что ежедневно съ братомъ-сверстникомъ обходилъ извѣстные намъ «урочища—киремети», для сбора на нихъ жертвенной монеты. Само собой разумѣется, насъ съ братомъ интересовала подлинная монета, но мы для забавы собирали и «жестянки» и находили ихъ ежедневно по цѣлымъ пригоршнямъ. Въ числѣ жестянокъ намъ изрѣдка попадались и серебряныя, / какъ помню хорошо, видомъ и величиной совершенно одинаковыя съ «кружечками», найденными при селѣ Старые Саралы. Похищеніемъ у «кириметей» жертвенной монеты не безъ страха занимались (и сейчасъ занимаются) и нѣкоторые изъ молодыхъ чувашъ, но они похищенное тотчасъ же спѣшили обмѣнить кому либо изъ русскихъ.

По изложеннымъ даннымъ, намъ кажется, возможно допустить образование кладовъ изъ мелкой серебряной монеты въ инородческихъ мѣстностяхъ и описаннымъ выше способомъ. / Въ предѣлахъ Казанской губерніи намъ и дѣйствительно не разъ доводилось слышать разсказы о кладахъ, найденныхъ на мѣстахъ бывшихъ «чувашскихъ киреметей»; но мы, къ сожалѣнію, съ точностію ни одного разсказа не запомнили. / Относительно Вятской губерніи противъ нашего предположенія можно возразить, что въ ней чувашъ, изъ быта коихъ приведены изложенные факты, нѣтъ. Но они, какъ намъ документально извѣстно, жили въ Вятской губерніи не только въ Елабужскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ, но и Слободскомъ—въ этомъ послѣднемъ, между прочимъ, на землѣ такъ называемыхъ «Каринскихъ татаръ»¹⁾. Посѣтивши въ 80-хъ годахъ два первыхъ уѣзда ученый мадыарскій путешественникъ, Б. Мункачи, лично намъ объяснялъ значеніе названія, наприм., города *Сарапуль* отъ *сара* (чуваш.)—желтый и *пм* (чув.)—медь.

Въ Елабужскомъ уѣздѣ слѣды жительства въ немъ *чувашъ* видны, между прочимъ, изъ слѣдующихъ названій селеній:

Гулюшурма—русское село близъ устья р. Ижъ, по башкирскимъ документамъ Гуль Шерма, отъ *кюль*=*юль* (чув.)—озеро и *Сурма* (чув.)—оврагъ, т. е., озерный оврагъ.

Мукшуръ—магометанская деревня, Больше-Кибинской (вотяцкой) волости; названіе ея объясняется отъ *мук* (чув.)—мохъ и *шур* (чув.)—болото, (вотское *шур*—рѣчка), т. е., моховое болото, каковое при деревнѣ и дѣйствительно было.

Укажемъ и на то, что елабужскіе *черемисы* называютъ мѣстныхъ *татаръ* словомъ «*сюас*», а горные черемисы, Козмодемьянскаго уѣзда, Казанской губерніи, словомъ «*суас*» называютъ своихъ сосѣдей—*чувашъ*²⁾.

¹⁾ См. въ предисловіи А. И. Артемьева къ «Списку населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи» (Спб. 1866 г.) стр. LXXIV и наши: 1) «Материалы для истории Елабужскаго уѣзда». Вят. губ. вѣд. 1891 г. №№ 43, 45 и 47. 2) «Нѣчто о чувашахъ, татарахъ и мишаряхъ». Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. 1898 г. Т. III, стр. 27—50.

²⁾ Какъ зовутъ чувашъ вотяки—мы не дознались; черемисъ же они называютъ по своему *поръ* и считаютъ ихъ гораздо отважнѣе себя, а татаръ—

Самое названіе села Саралы, при которомъ находится урочище «кире-
мель», наполовину объясняется изъ чувашскаго языка: *сара* (чувашское и та-
тарское)—желтый, *алан* (татарское, если только не древне чувашское)—полян.

Приобрѣтенные нами изъ Саралинскаго клада *кружки* мы въ свое вре-
мя показывали учителямъ начальныхъ училищъ, Елабужскаго уѣзда, изъ
инородцевъ: 1) Мещеряковскаго—въ вотско-татарско-русскомъ селѣ Мещеря-
ковѣ (по татар. Мишарякъ) ¹⁾ А. Л. Мещерякову (изъ старокрещенныхъ ми-
шарей села Карабаянъ, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи) и 2) Бик-
товскаго—въ татарской деревнѣ Биктау—Г. А. Ахмарову (изъ магометанъ
деревни Наратли, Свияжскаго уѣзда, Казанской же губернии, и они оба при-
знали ихъ совершенно тождественными съ серебряными бляшками (по назва-
нію А. Л. Мещерякова—*кумуш тьяккя*, а Г. А. Ахмарова—«*нухрат*» (نوخرات)),
которыми *татарки* (въ собирательномъ смыслѣ) украшаютъ свои женскіе
наряды. По словамъ г. Мещерякова, его единоплеменницы въ селѣ Карабая-
нахъ, старокрещенныя мишарки и татарки нашиваютъ серебряныя бляшки
на слѣдующе наряды: 1) *суряк*, повязывается на лобъ, и 2) *тамаксы*, носит-
ся на шеѣ; кромѣ того, 3) тѣже бляшки нашиваются ими по краямъ раз-
рѣзовъ на груди у женскихъ рубашекъ (платья русскія). По словамъ г. Ахма-
рова, татарки-магометанки такими же бляшками унижаютъ, кромѣ краевъ
разрѣзовъ у рубашекъ (по тат. изю—ایزو), еще слѣдующіе наряды, извѣст-
ные въ Свияжскомъ уѣздѣ подъ названіемъ: 1) *хасита* (خاسیتا): надѣвается
черезъ плечо; и 2) *давать* (داوت),—чувашское теветь ²⁾.

Случаевъ принесенія старокрещеными татарами какихъ либо монеть
въ честь предковъ (кирямят—по татарски)—А. Л. Мещеряковъ не зналъ, но
они извѣстны другимъ изслѣдователямъ быта «старокрещенныхъ» татаръ ³⁾.

бигеръ. Объ одномъ пораженіи черемисами вогяковъ см. въ цитированной
выше ст. П. Мышкина «Материалы для исторіи колонизаціи Кузнецовскаго
прихода, Уржумскаго уѣзда».

¹⁾ По преданію, село Мещеряково основано было *мишарями*, неизвѣст-
но когда и куда изъ него выселившимися. На ихъ мѣстѣ первыми послѣ
нихъ поселились вотяки, затѣмъ татары—«кряшенъ» и, наконецъ, въ теку-
щемъ уже столѣтіи—русскіе. По сосѣдству съ селомъ мишари живутъ и
сейчасъ, но именуются официально «татарами».

²⁾ «Головной уборъ и нѣкоторые другіе наряды». XIV приложение къ
«Корневому чувашско-русскому словарю». Н. И. Золотницкаго, стр. 242.

³⁾ О киреметяхъ крещенныхъ татаръ Казанскаго края. И. М. Софійска-
го. Извѣстія по Казанской епархіи. 1877 г. № 24.—Его же: О киреметяхъ
крещенныхъ татаръ, изъ деревни Тавель, Чистопольскаго уѣзда, Казанской
губерніи. Труды IV археологическаго съѣзда въ Казани. Т. II. стр. 68—79.

Магометанки въ Свяжскомъ уѣздѣ, по словамъ Г. А. Ахмарова, употребляютъ мѣдную монету, между прочимъ, вотъ по какому поводу: во время болѣзни кого либо изъ членовъ семьи, онѣ, выбравъ какую либо мѣдную монету, обводятъ ее до трехъ разъ вокругъ больнаго и затѣмъ эту монету тайно—или втыкаютъ въ щели старыхъ амбаровъ и бань, или—бросаютъ въ ручьи и рѣчки. Нѣкоторыя же магометанки, по словамъ г. Ахмарова, вмѣсто монетъ, отрѣзаютъ по данному поводу ленточки холста или ситца и, продѣлавъ съ ними тоже, что съ монетой, выбрасываютъ ихъ на перекрестки дорогъ.

В. Матвицкій.

Б) ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Стихотвореніе Н. С. Арцыбашева.

Въ статьѣ «Библиографическія замѣтки о русскихъ журналахъ XVIII вѣка» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», часть CCCXV, 1898 г., № 1) было высказано (стр. 105—106) предположеніе, что стихотвореніе «Скука», помѣщенное въ журналѣ «Иппокрена, или утѣхи любословія, на 1800 годъ» (часть VI, № 60, стр. 541—544; подписано: «Н.. Ар... Цивильскъ, 20 Ноября 1798») принадлежитъ знаменитому уроженцу нашего края, историку Н. С. Арцыбашеву (1773—1841). Догадка эта до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, никѣмъ не была опровергнута; если же она вѣрна, то названное стихотвореніе оказалось бы первымъ по времени изъ появившихся въ печати произведеній Арцыбашева. Несомнѣнно, что послѣдніи, какъ большинство литераторовъ его времени, писалъ стихи; такъ, ему принадлежитъ ода «Слѣпой случай», приписывавшаяся даже Державину (см. объ этомъ въ «Сочиненіяхъ Державина»³ съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота», III, 458). Въ виду того, что собраніе матеріаловъ для біографическаго словаря уроженцевъ Казанскаго края является одной изъ главныхъ задачъ дѣятельности Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, позволяемъ себѣ перепечатать стихотвореніе «Скука» на страницахъ «Извѣстій». Желательно, чтобы лица, интересующіяся исторіей духовной жизни Казани, обратили вниманіе и на столичные журналы конца XVIII—начала XIX в., заключающіе въ себѣ немало статей съ неполными подписями, но за то съ географическими датами, указывающими на нашъ край и иногда помогающими раскрытію анонима или псевдонима. Весьма полезно было бы пересмотрѣть уцѣлѣвшія помѣщичьи библиотеки; въ нихъ часто встрѣчаются старинные русскіе журналы съ замѣтками на поляхъ; возможно, что подобныя замѣтки или приписки дадутъ какой либо новый матеріалъ для исторіи духовной жизни мѣстнаго края. Поэтому редакция «Извѣстій» обращается ко всѣмъ, имѣющимъ доступъ въ помѣщичьи библиотеки, основаніе которымъ положено въ давнее время, съ просьбой—не отказать въ сообщеніи подобныхъ матеріаловъ.

Н. П.